

Учитель и ученик

В 1903 году Николай Гумилев поступил в седьмой класс Николаевской Царскосельской гимназии, директором которой был видный филолог, поэт и переводчик Иннокентий Федорович Анненский. Гимназист Гумилев хорошо знал стихи своего учителя и, опубликовав в 1902 году в «Тифлисском листке» стихотворение «Я в лес бежал из городов», считал себя поэтом. Вскоре между учителем и учеником устанавливаются отношения, выходящие за рамки, предписываемые казенными правилами.

Ученик активно сотрудничал в гимназическом журнале, и молодые царскосельские стихотворцы Василий Комаровский, Дмитрий Коновцев и Валентин Кривич признали в Гумилеве собрата по перу. Вместе они и приносили свои сочинения на отзыв И. Ф. Анненскому.

Поначалу стихи Н. Гумилева особого внимания не привлекли. Но он был основательно начитан, внимателен к критике, упорен и трудолюбив. Это и расположило к нему Иннокентия Федоровича, который, подарив ученику свою книгу «Тихие песни», сделал такую примечательную надпись:

Н. С. ГУМИЛЕВУ

Меж нами

*сумрак жизни длинной,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю.*

Несмотря на то обстоятельство, что первый этап поэтического развития Н. Гумилева проходил под наблюдением И. Ф. Анненского, стихи его были далеки от стихов учителя.

В лирике И. Анненского — рефлентирующая душа, в полутонах и оттенках природы — скрытая боль. У Н. Гумилева иное мировосприятие: волевое начало, тяга к «объективной

*Иннокентий Анненский.
Гравюра на дереве Н. КАЛИТЫ.*

лирике», яркому и предметному описанию далеких стран.

В этом отношении интересно противопоставление основных мотивов И. Ф. Анненского художественным принципам Н. С. Гумилева, которое дает (права, через себя) Георгий Иванов уже после смерти обоих:

*Я люблю безнадежный покой,
В октябре —*

*хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...*

*Тишину безымянных могил,
Все банальности*

*«Песен без слов»,
То, что Анненский*

*жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев.*

И все же И. Ф. Анненский находил в творчестве Н. Гумилева нечто близкое себе. В отзыве на книгу «Романтические цветы» он писал: «...У молодого автора в его маскарадном экзотизме чувствуется иногда не только чисто славянская мрачность, но и стихийно-русское «искание муки», это обязательно некрасовское «Мерещится мне всюду драма», наша, специально наша «трагическая мораль».

В последний год жизни И. Ф. Анненского поэты встречаются особенно часто: читают друг другу стихи, делятся творческими планами. 3 апреля 1909 года И. Ф. Анненский вписывает в альбом племянницы Гумилева М. Сверчковой стихотворение «Среди миров». При посредничестве Н. Гумилева художественный критик С. К. Маковский привлекает И. Ф. Анненского к сотрудничеству в новом журнале «Аполлон».

...Неожиданная смерть И. Ф. Анненского 30 ноября 1909 года потрясла литературный Петербург. О посмертно вышедшей книге своего учителя Н. Гумилев отзывался со всей определенностью: «Кипарисовый ларец» — это катехизис современной чувствительности».

Годы спустя, возвращаясь к светлomu образу поэта, Николай Гумилев напишет стихотворение «Памяти Анненского», начинающееся строфой:

*К таким неожиданным
и певучим бредням
Зояя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский
последним
Из царскосельских
лебедей.*

Заключительные строчки четверостишия стали своего рода художественной формулой.

М. ШАПОВАЛОВ

М. Ш. Шаповалов, 1957, 77 стр.